

Белый свет экрана падал на нижнюю половину лица Тан Хуая, делая его ещё бледнее.

Кадык дрогнул. Он налил себе полбокала виски.

— Как ты нашёл?

Сун Цинсуй выключил телефон и бросил его на стол:

— Просто в ленте наткнулся.

Он хмурился. Выражение лица — нечитаемое: то ли бессилие, то ли обычное головокружение.

— Похоже, я ему очень нравлюсь. Но посты у него жуткие. IP — шанхайский. Лишь бы не начал вести себя как сасэн.

С каждым словом запах — сливовый леденец, вино — обдавал Тан Хуая всё ошутимее.

— А если начнёт? — спросил Тан Хуай.

Сун Цинсуй прикурил виноградную сигарету, зажал между губ, склонил голову набок и задумался. Брезгливость в голосе была очевидной:

— Если он правда посмеет что-нибудь сделать, я...

Он тянул это «я» долго, но так и не договорил.

Тан Хуай и без того понял. Сун Цинсуй не мучился вопросом, какое наказание назначить «Люблю Сюй-Сюя».

Наоборот — он знал слишком хорошо. Возможно, у него было множество вариантов. Просто по каким-то причинам он пока не мог выбрать.

Виски лился бокал за бокалом, и на языке у Тан Хуая оставалась только горечь. Каким бы ни было это наказание — он знал наверняка: ему его не пережить.

Он собрался с мыслями и уже хотел сменить тему, когда на его плечо легла тяжесть.

Сун Цинсуй.

Тан Хуай повернул голову — и увидел его ресницы, густые, как веера, и щёки, пылающие от вина.

Он вздохнул, допил последние капли из бокала и махнул Цзи Чэню, который всё ещё пел. Показал на Сун Цинсюя, потом на дверь: мы уходим.

Цзи Чэнь кивнул. Уже открыл рот — спросить, нужно ли вызвать машину, — но увидел каменное лицо Тан Хуая и вспомнил, как тот шикнул на него в больнице. Просто кивнул и махнул рукой.

Тан Хуай оглянулся: почти все уже лежали вповалку. Не став осторожничать, он подхватил Сун Цинсюя на руки и вышел из кабинки.

На базу они вернулись около четырёх. Сун Цинсюй спал мертвецким сном.

Тан Хуай хотел отнести его в свою комнату — уже дошёл до двери — помедлил. Развернулся и зашёл к себе.

Если Сун Цинсюй узнает, что я знаю код от его замка, — будет нехорошо.

Комнаты на базе были оформлены одинаково. Тан Хуай после заселения добавил несколько вещей — и пространство стало совсем другим.

Он уложил Сун Цинсюя на кровать, укрыл одеялом. Потом намочил полотенце в ванной и вернулся вытереть ему лицо.

Кондиционер был выставлен тепло. Сун Цинсюй остался в одежде, да ещё и под одеялом; жар накапливался, и без того красные щёки стали ещё ярче.

Тан Хуай подумал: похоже на яблочный леденец из детства, который покупала мама. Красный, блестящий. Лизнёшь один раз — и сладость с кончика языка заливает грудь, а внутри всё начинает бунтовать.

Он убрал полотенце из-под ладони — и положил на лицо Сун Цинсюя голую руку. Прохладную.

Приятная свежесть вырвала у Сун Цинсюя вздох. Он бессознательно потёрся щекой о то, что принесло облегчение.

Дыхание Тан Хуая стало тяжелее. Он медленно наклонился — и чем ближе становился, тем отчётливее ощущал этот коктейль: виноградная капсула, кисло-сладкая слива, густое вино.

Остатки разума держались из последних сил. Нельзя. Ты не можешь. Потом пожалеешь.

И тут —

Чужая рука обвила его за плечи. Не давая опомниться, пара янтарных глаз распахнулась прямо перед ним.

Сун Цинсюй лукаво улыбнулся, притянул его обеими руками и прошептал:

— Попался! Так громко стучит — спать невозможно!

— Я не...

Тан Хуай начал объяснять, но губы Сун Цинсюя неумолимо приближались.

— Ты столько раз делал это первым... Теперь моя очередь, правда?

В момент, когда их губы соприкоснулись, Сун Цинсюй, явно недовольный его оцепенением, прикусил ему нижнюю губу — не сильно, не слабо, — и по сердцу Тан Хуая побежала рябь.

— Почему сегодня так медлишь? Обычно ведь сразу к делу... — голос Сун Цинсюя прозвучал подозрительно. Он оглядел себя: — Сегодня на мне... слишком много одежды. Жарко!

Перекатился на другой край кровати, ухватил за подол сразу оба слоя, стянул через голову и швырнул на пол.

Снова посмотрел на Тан Хуая и пробормотал:

— Вот, так прохладнее. Не хочешь снимать — я сам сниму. Ты сегодня какой-то странный. Мне кажется... я наконец вижу, кто ты.

— Кто я?

— Ты... «Люблю Сюй-Сюя», — голова Сун Цинсюя клонула раз, другой. — Ты... Тан Хуай.

Горячее, пропитанное алкоголем дыхание смешалось. Простыни смялись, одеяло скрутилось. Салфетки из коробки на тумбочке убывали пачками. Подушка перекочевала с изголовья в изножье.

Но пьяный — капризный партнёр: то слишком быстро, то слишком медленно, то мало. Нежнее.

Внимательнее. Заботливее. И — смотри на меня, не отводи глаз, говори вслух.

...

Когда всё закончилось, небо уже начинало светлеть. Тан Хуай привёл Сун Цинсюя в порядок — и только тогда лёг сам.

Сун Цинсюя разбудил настойчивый стук в дверь.

Он перевернулся, привычно потянулся к тумбочке за телефоном — и нащупал чужое лицо. Рельефные черты под пальцами.

Открыл глаза.

Тан Хуай.

Сон как рукой сняло. Он рывком сел — и тут же рухнул обратно: всё тело ныло так, будто его пропустили через пресс.

— Чёрт...

Голос — сиплый, надтреснутый; второй удар.

Сознание наконец вернулось полностью. Объяснений не требовалось: одного лишь взгляда на собственное голое тело хватило, чтобы всё понять.

Только вот в голове — абсолютная пустота. Он помнил, что увидел Тан Хуая одного, потом они, кажется, разговаривали — и дальше полный провал.

Но сейчас проблема была не в этом.

Он толкнул спящего Тан Хуая и яростно прошипел:

— Твою ж... Просыпайся! Это Чжан Чжиян стучит!

Тан Хуай лениво открыл глаза. Увидел Сун Цинсюя — ни тени удивления. Зевнул:

— Я открою. Молчи.

Сун Цинсуй кивнул. Тан Хуай откинул одеяло — Сун Цинсуй зажмурился и нырнул обратно с головой.

Тан Хуай подобрал одежду с пола, натянул, пошёл к двери. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то сложное.

Глубокий вдох. Он открыл.

Чжан Чжиян за дверью выглядел таким же невыспавшимся:

— Собирайтесь. Выезжаем в десять.

И повернулся, чтобы постучать к Сун Цинсую.

— Менеджер, — Тан Хуай окликнул его. Врал — не моргнув глазом: — А-Суй вчера начитался форумов, разозлился и поздно лёг. Я сам его разбужу.

Чжан Чжиян не усомнился:

— Ну давай. Мне ещё переодеться надо.

Услышав, что дверь закрылась, Сун Цинсуй вылез из-под одеяла. Посмотрел на Тан Хуая:

— Ты же всё время звал меня «Цинсуй». Опять сменил?

Тан Хуай и бровью не повёл:

— Ты сам попросил. Сказал, что от другого тебе не нравится.

За словами явно стояло что-то ещё. У Сун Цинсуя ёкнуло:

— Когда я такое говорил?

Тан Хуай сел на край кровати, спиной к Сун Цинсую, глядя на его вещи, валяющиеся на полу. Тихо:

— Раз ты говоришь «не было» — значит, не было. Всё нормально.

Плохо дело.

Сун Цинсуй похолодел. Судя по тону Тан Хуая, вчера он был инициатором.

— Нет, зови, конечно. Я же не запрещаю, — Сун Цинсуй дёрнул его за край футболки и осторожно начал: — Насчёт вчерашнего... мы...

Тан Хуай не обернулся. Прикурил сигарету, голос тягучий:

— Ты вчера сам сказал: между взрослыми людьми такое — нормально.

Он сказал?

Сун Цинсуй засомневался. За всю жизнь он ни разу не был увлечён подобными вещами. В подростковом возрасте, когда сверстники втихаря смотрели видео, он играл в игры.

Потом появился Тан Хуай — но влечение было чисто эмоциональным. Физическая сторона оставалась для него совершенно чужой территорией.

Только после того, как начались те сны, у него стала появляться реакция. Но почти всегда он держал себя в руках.

Может, вчера выпил лишнего и потерял контроль?

Только ведь между ними и так остался неразобранный клубок четырёхлетней давности. В его сердце всё ещё сидела заноза, и к Тан Хуаю он относился прежде всего как к тиммейту.

— А-ха-ха, — выдавил он деревянный смешок; хотелось провалиться сквозь землю. — Ну да, конечно.

И тут же мысленно вlepил себе пощёчину. Что — «конечно»? Ты разве не должен объясниться? С другой стороны, это ведь он сейчас лежит и не может встать. Кто ему-то даст объяснения?

— Вставай, приведи себя в порядок, — сказал Тан Хуай. — Скоро выезжать на открытие.

Сун Цинсуй приподнялся и огляделся. Протянул руку:

— Одежда у тебя... на той стороне...

Тан Хуай подал. Потом, будто между прочим:

— Не думай слишком много. Ты прав — мы взрослые люди. Я понимаю, что к чему. Считаю, что я тоже был пьян. Не накручивай себя.

Сун Цинсюй застыл, натягивая футболку. Глухо:

— Ладно.

Новый магазин босса открылся у набережной Вайтань — типичная бойкая точка с огромным пешеходным потоком.

Но Сун Цинсюю сейчас было не до этого.

Похмелье настигло его с опозданием: голова раскалывалась. Тело вроде бы чистое — его явно привели в порядок, — но вчера, похоже, он всё-таки перестарался: ныло абсолютно всё.

Комфорт сидений минивэна для нынешнего Сун Цинсюя был явно недостаточным. После того как он сменил позу раз восемь, сидевший рядом Вэнь Лихуа молча протянул ему маленький флакончик спрея.

— Брат Сун, тебя тоже комары покусали? Чешется? Это цветочная вода, я перелил в маленькую бутылочку — очень помогает.

Сун Цинсюй:

— ...Спасибо.

Он пшикнул пару раз, а потом уставился в затылок Тан Хуая, сидевшего через ряд впереди. В груди поднялась беспричинная обида.

Да, вчера он начал первым. И, похоже, был инициатором. Но Тан Хуай ведь не отказался — значит, по обоюдному согласию?

А теперь этот человек даже не сел рядом. Что это — демонстративная дистанция? Тогда зачем утром строил из себя обиженного?

Или... после того, как страсть схлынула, он жалеет, что переспал с мужчиной?

Обида смешалась с болью. Сун Цинсюй закрыл глаза — и через минуту его укачало: пробки, рывки, торможение.

Лицо побелело. Желудок скрутило. Подступила тошнота.

Щёлк.

На колено упал сливовый леденец. Он поднял голову — Вэнь Лихуа уже пересел, а рядом стоял Тан Хуай.

Тан Хуай порылся по карманам, достал маленький пузырёк бальзама «звёздочка» и протянул ему.

Сун Цинсюй не взял. Просто смотрел.

Тан Хуай скривил губы в кривой, горькой полуулыбке:

— Это помогает от укачивания.

Сун Цинсюй чуть разомкнул губы:

— Помажь мне сам.

Если он не может принять то, что спал с женщиной, — сейчас откажет.

Сун Цинсюй уже приготовился к отказу.

Но того, что он ожидал, не случилось.

Тан Хуай открутил крышку, выдавил каплю на указательный палец и аккуратно, бережно нанёс бальзам на ямочку над верхней губой и за ушами.

Потом убрал пузырёк в карман:

— С этого момента я буду носить его при себе. Укачает — скажи, я помажу. Так руки не будут пахнуть.

Ментоловый дух с каждым вдохом пробивал нос насквозь. Тошноту и правда отпустило.

Сун Цинсюй подумал — и добавил:

— Конфету. Разверни.

Тан Хуай не шевельнулся:

— Сам поешь.

Сун Цинсюй внутренне усмехнулся. Ну вот. Пожалел. Натурал. Переспал — и в отказ. Ненавижу натуралов. Ненавижу-ненавижу-ненавижу.

— У меня руки в бальзаме. Попадёт на конфету.

Сун Цинсюй: — ...

Отзываю усмешку.

<http://bllate.org/book/18105/1736399>